

КЪ ВОЗРОЖДЕНІЮ СЕРБСКАГО КОРОЛЕВСТВА ¹⁾.

Косовская битва (15-го іюня 1389 г.) положила предѣль независимому существованію Сербіи; одни только ускоки (переселенцы) Черной Горы успѣли отстоять свою независимость противъ турецкаго владычества. Покореннымъ сербамъ была оставлена ихъ земля, ихъ общинный судъ, ихъ церковь и ихъ языкъ. Тѣмъ не менѣе, владычество турокъ было тяжелымъ матеріальнымъ и нравственнымъ гнетомъ для сербскаго народа, но что было ужаснѣе всего для поработеннаго народа, это — дань дѣтьми. Каждая пять лѣтъ производился наборъ самыхъ здоровыхъ и красивыхъ мальчиковъ 10 — 12-лѣтняго возраста (до 2.000 ежегодно). Ихъ уводили въ Царьградъ, гдѣ воспитывали для янычарской и другихъ родовъ султанской службы; изъ нихъ потомъ вырабатывались злѣйшіе губители христіанъ. Имѣть оружіе «райѣ» ²⁾ не дозволялось; при началѣ возстанія противъ турокъ все оружіе сербовъ состояло въ длинныхъ дубинахъ. Самые смѣ-

¹⁾ Статья составлена по Н. Попову (Россія и Сербія), по Н. Овсяному (Сербія и Сербы) и по Погодину.

²⁾ «Райя» — по-турецки значить: скотъ, стадо.

лые люди уходили въ горы и лѣса своей родины и оттуда дѣлали нападенія на притѣснителей; то были гайдуки; тѣ же, которые переселялись въ сосѣднія страны—Венгрію, Австрію, Венецію и обрекали себя на борьбу съ турками, назывались ускоками. Имъ-то больше всего была обязана Сербія своимъ возрожденіемъ.

Паденіе турецкаго владычества въ Европѣ начинается съ конца XVII вѣка—съ момента пораженія, нанесеннаго туркамъ подъ Вѣною въ 1683 г. польскимъ королемъ Яномъ Собѣскимъ. Побѣды Евгенія Савойскаго и другихъ австрійскихъ полководцевъ высоко подняли значеніе Габсбурговъ у христіанскихъ народовъ всего Балканскаго полуострова. Войдя въ непосредственныя сношенія съ сербами, австрійское правительство въ 1689 г. начало хлопотать о томъ, чтобы переманить къ себѣ представителя сербскаго народа печскаго ³⁾ патриарха Арсенія III Черноевича. Патриарху предложено было перенести свой престолъ въ Венгрію, причемъ ему и всѣмъ его соотечественникамъ, которые пожелали бы переселиться изъ Турціи, были обѣщаны большія льготы. Патриархъ склонился на обѣщанія и въ 1694 г. со значительною частью сербскаго населенія Старой Сербіи (до 37.000 семействъ, заключающихъ въ себѣ 100.000, а по другимъ свѣдѣніямъ до 500—600 тысячъ душъ) переселился въ Венгрію. Это переселеніе доставило Австріи неисчислимыя выгоды: вся южная граница государства отъ Семиградья до Велибита, безпрестанно терпѣвшая отъ турецкихъ набѣговъ, была заселена отважнымъ воинственнымъ племенемъ. Съ тѣхъ поръ сербскія войска составляли лучшую часть имперскихъ войскъ, участвуя во всѣхъ войнахъ XVIII и XIX столѣтій, которыя только приходилось вести Австріи. Но австрійское правительство плохо отблагодарило сербовъ за эти услуги; оно подчинило ихъ мадьярамъ, отказало имъ въ правѣ избирать себѣ воеводу и принуждало къ принятію уніи. Самъ патриархъ Арсеній III былъ отравленъ въ Вѣнѣ кардиналомъ Колоничемъ. Послѣдній сербскій патриархъ Арсеній IV, переселившійся изъ Печа въ Венгрію съ небольшимъ числомъ колонистовъ въ 1738 г. (по увѣщанію Вѣнскаго двора), по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ былъ тоже отравленъ. Доходило то того, что сербскіе переселенцы возставали съ оружіемъ въ рукахъ для защиты своихъ правъ (въ 1720 и 1733 гг.), но возстанія были подавлены, а пре-

3) Печъ—нынѣшній Ипекъ въ Старой Сербіи.

старѣлый предводитель ихъ, Перо Сегединацъ, колесованъ въ Пештѣ. Въ 1751 г. часть австрійскихъ сербовъ (до 40.000, а по другимъ до 100.000) подъ предводительствомъ Текели, Хорвата, Шевича и Прерадовича переселилась въ Россію, образовавъ тамъ военную колонію, долго носившую названіе «Новой Сербіи». Сношенія русскаго народа съ южными славянами начались съ незапамятныхъ временъ и съ развитіемъ и укрѣпленіемъ Московскаго царства получаютъ все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ. Еще посланникъ Бориса Годунова говорилъ въ 1599 г. императору Рудольфу, что царь хочетъ самъ своей персоной идти на турецкаго султана, овладѣвшаго многими христіанскими народами, въ томъ числѣ: болгарами, сербами, босняками и т. д. Петръ Великій вошелъ въ прямыя сношенія со славянами и покровительствовалъ австрійскимъ сербамъ. Его вліяніе сказывалось также и въ Черногоріи и Далмаціи. Особенно въ Дубровникѣ (Рагузѣ), да и у всѣхъ южныхъ славянъ, имя его было чрезвычайно популярно, что вызывало безпокойство въ Вѣнскомъ дворѣ. Удачныя войны, которыя вела съ турками Екатерина II, особенно способствовали возвеличенію русскаго имени на Балканскомъ полуостровѣ.

Ареной сербскаго возрожденія сдѣлалась придунайская окраина, составлявшая такъ называемый Бѣлградскій пашалыкъ. На югъ отъ Дуная, на всемъ пространствѣ между Дриною и Тимокомъ, тянется холмообразная страна, постепенно переходящая въ значительную горную возвышенность, которая была покрыта въ концѣ XVIII столѣтія густыми, почти дѣвственными лѣсами. Отсюда и происходитъ ея названіе «Шумадія» (шума—по-сербски лѣсъ). Единственная большая рѣка—Морава, впадающая въ Дунай не вдалекѣ отъ Пажареваца, пересѣкала эту дикую страну, покрытую густыми зарослями. Селенія здѣсь встрѣчались рѣдко, города еще рѣже. Главное занятіе жителей составляло скотоводство, въ особенности же разведеніе свиней, которое доставляло и доставляетъ понынѣ значительный доходъ сербамъ. Такъ какъ турки жили преимущественно по городамъ, принявшимъ вслѣдствіе этого совершенно турецкій характеръ, то народность сербская сохранялась, главнымъ образомъ, въ селеніяхъ. Народъ предпочиталъ жить въ горахъ и лѣсахъ. Всякое семейство строило себѣ хижину гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ, въ сторонѣ отъ дорогъ, чтобы не привлекать къ себѣ вниманія путешественниковъ. Селенія состояли не болѣе какъ изъ 20—50 дворовъ, удаленныхъ другъ отъ

друга на два, на три ружейныхъ выстрѣла. Главы семействъ собирались въ дни большихъ праздниковъ или, когда предстояло рѣшить какой-нибудь важный вопросъ, образовывали «соброръ» или «скуштину» подъ предѣдательствомъ своего старѣйшины или кнеза, позднѣе кмета. Этого послѣдняго, какъ и священника, поселяне избирали сами. Турки, преслѣдуя исключительно фискальныя цѣли, мало входили въ управленіе общинъ. Весь пашалыкъ дѣлился на нахіи, которыя въ свою очередь подраздѣлялись на кнежины, а эти — на срезы. Во главѣ нахій стояли нахійскіе кнезы или великіе войводы; надъ кнежинами — оберкнезы или войводы, а надъ срезами, составлявшимися изъ большаго или меньшаго количества селеній, — капетаны или великіе булюбашы. Черезъ этихъ представителей турецкая власть передавала народу свои требованія, а отъ нихъ получала заявленія о народныхъ нуждахъ.

Въ турецко-австрійской войнѣ 1791 г. задунайскіе сербы принимали дѣятельное участіе, помогая австрійскимъ войскамъ, но Австрія плохо отплатила своимъ пособникамъ: по Свищевскому договору она выговорила у Турціи только амністію для подданныхъ обѣихъ державъ, замѣшанныхъ въ народной войнѣ, но не обмолвилась ни словечкомъ въ пользу расширенія правъ обитателей Бѣлградской области, которые, такимъ образомъ, снова были преданы турецкому произволу. Австрія включила въ Свищевскій договоръ лишь условіе о недопущеніи янычаръ въ Бѣлградскій пашалыкъ: она опасалась, что волненія, вызываемыя ихъ безчинствами, могутъ отразиться и въ ея пограничныхъ владѣніяхъ. Дѣло въ томъ, что турецкое правительство само терпѣло отъ своевольства янычаръ и, чтобы отдѣлаться отъ самыхъ буйныхъ и непокорныхъ изъ нихъ, приняло за обычай отправлять таковыхъ въ болѣе отдаленныя пашалыки: Багдадскій и Бѣлградскій. Здѣсь эти отчаянные головорѣзы, почти вовсе не признавая власти султана, совершали безнаказанно тысячи преступленій, не разбирая ни своихъ, ни чужихъ.

Послѣ заключенія Свищевского мира, султанъ счелъ нужнымъ настоять на исполненіи статьи договора объ очищеніи Бѣлградскаго пашалыка отъ янычаръ; они удалились, но не надолго. Когда виддинскій паша возсталъ противъ султана, буйная дружина янычаръ снова наводила Сербію, наводя ужасъ на населеніе: янычары били и мучили мужчинъ, отнимали коней, насиловали женщинъ...

Чаша терпѣнія сербовъ переполнилась: они возстали подъ начальствомъ одного изъ бывшихъ своихъ булюбашей, Кара-Георгія (иначе Георгія Чернаго), и начали съ янычарами кровавую борьбу, окончившуюся истребленіемъ янычаръ. Уничтоживъ янычаръ, сербскіе отряды не расходились; они продолжали воевать съ турками. Сербское войско состояло тогда болѣе чѣмъ изъ 30 тысячъ человѣкъ подъ общимъ командованіемъ Кара-Георгія, возбуждая опасенія въ турецкомъ правительствѣ. Губернаторъ Бѣлградскаго пашалыка Бекиръ-паша, желая отдѣлаться отъ опаснаго вождя сербовъ, подослалъ къ нему наемнаго убійцу, но убійца самъ палъ отъ руки Кара-Георгія. Тогда пашѣ, имѣвшему въ своемъ распоряженіи слабый отрядъ, ничего другого не оставалось дѣлать, какъ искать примиренія съ Кара-Георгіемъ. Они заключили договоръ, въ которомъ впервые признавались за сербскимъ народомъ нѣкоторыя вольности. Такъ, на примѣръ, по этому договору Кара-Георгій признавался верховнымъ правителемъ сербовъ, съ обязательствомъ платить Портѣ ежегодно 500 тысячъ піастровъ дани; турецкіе сборщики уничтожались, туркамъ запрещалось жить по деревнямъ и др. Договоръ этотъ, впрочемъ, не былъ утвержденъ султаномъ, и война съ турками продолжалась. Между тѣмъ, Австрія зорко слѣдила за ходомъ дѣлъ въ сосѣдней области и всѣми силами старалась привлечь къ себѣ симпатіи сербовъ, чтобы при благоприятныхъ обстоятельствахъ подчинить ихъ своему владычеству; Вѣнскій дворъ старался склонить на свою сторону митрополита Стратиміровича и черезъ его посредство уговорить задунайскихъ сербовъ къ признанію надъ собою покровительства Австріи; но Стратиміровичъ такъ же, какъ и многіе другіе знатные сербы, находившіеся на венгерской службѣ, мало ожидали пользы для своего народа отъ присоединенія къ Австріи задунайскихъ земель. Поэтому онъ составилъ проектъ о возстановленіи новаго славяно-сербскаго государства. Во главѣ освобожденной Сербіи митрополитъ предлагалъ поставить одного изъ русскихъ великихъ князей. Въ проектѣ Стратиміровичъ указывалъ, между прочимъ, и на выгоды, которыя могли произтечь отъ того для самой Россіи; по его словамъ: «нѣтъ народа въ поднебесной, который имѣлъ бы толикую любовь къ Руссамъ и російскимъ государямъ, какъ Сербы». Мысль о снисканіи покровительства сербскому народу въ единовѣрной и могущественной Россіи нашла себѣ живое сочувствіе и въ народныхъ вождяхъ задунайскихъ. Они составили длинное прошеніе на имя

Императора Александра I осенью 1804 г. и отправили его въ Петербургъ съ депутаціей изъ трехъ человѣкъ.

Въ Петербургѣ депутаты были приняты разными высокими особами и получили совѣтъ еще разъ предложить желанія своего народа на благоусмотрѣніе Порты; Россія же, со своей стороны, будетъ поддерживать требованія сербовъ черезъ своего посланника. Сербы такъ и поступили: они обратились съ прошеніемъ къ султану. Сначала турецкое правительство выказало наклонность къ примиренію съ сербами, но потомъ подъ вліяніемъ французской дипломатіи задумало подавить сербское возстаніе силой; возобновились военныя дѣйствія; Кара-Георгій началъ бомбардировку Бѣлграда. Въ лагерѣ осаждающихъ появились русскіе офицеры и стали управлять осадю крѣпости. Бѣлградъ былъ взятъ. На востокъ доблестный воевода Миленко соединился невдалекѣ отъ Виддина съ русскимъ отрядомъ генерала Исаева ⁴⁾ и вмѣстѣ съ нимъ разбилъ пятитысячный отрядъ кирджалиевъ ⁵⁾. По заключеніи Тильзитскаго мира въ сербскій лагерь при Неготинѣ прибылъ флигель-адъютантъ русскаго Императора, маркизь Паулуччи, и заключилъ съ сербскими вождями особый письменный договоръ, подписанный Кара-Георгіемъ отъ имени всего сербскаго народа. Въ этомъ актѣ сербы признавали надъ собою покровительство русскаго Государя, которому предоставлялось право назначать въ Сербію военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; въ крѣпостяхъ должны были быть русскіе гарнизоны и русскіе коменданты, а на Тимокѣ и Дринѣ, а также на боснійской границѣ—выставлены русскіе вспомогательные отряды; затѣмъ заранѣе соглашались на такіе пункты, которыхъ «знать не могли» ⁶⁾. Пока тянулись переговоры между Россіей и Турціей, среди сербскихъ вождей возникли распри, сильно тормозившія установленіе порядка въ странѣ. Нѣкоторые воеводы не хотѣли признавать надъ собою власти Кара-Георгія, интриговали противъ него и противъ другъ друга. Этимъ разладомъ старалась воспользоваться Австрія; австрійскіе пограничные

⁴⁾ Эта война Россіи съ Турціей продолжалась съ небольшими перерывами съ 1806 по 1811 г.

⁵⁾ Янычаръ и другихъ головорѣзовъ.

⁶⁾ Въ своемъ донесеніи объ этой поѣздкѣ въ Сербію маркизь Паулуччи выражается о Кара-Георгіи слѣдующимъ образомъ: «простота его нравовъ и безкорыстіе замѣтны въ его манерахъ и рѣчахъ, проявляя его искреннюю привязанность къ родинѣ. Все это составляетъ нѣчто цѣлое, что дѣлаетъ его существомъ рѣдкимъ и достойнымъ уваженія, несмотря на то, что ему не достаетъ образованія».

начальники внушали Кара-Георгію недовѣріе къ Россіи и предлагали ему принять подданство Австріи, обѣщая сербскому народу могущественное покровительство и защиту своего монарха; самому Кара-Георгію былъ обѣщанъ титулъ князя и чинъ фельдмаршала, но австрійцамъ не удалось склонить на свою сторону Кара-Георгія и другихъ сербскихъ вождей. Между тѣмъ, въ Эрфуртѣ состоялось свиданіе Императора Александра I съ Наполеономъ, который заранѣе соглашался на распространеніе русскихъ границъ до Дуная. Тотчасъ послѣ этого со стороны Россіи были предложены Портѣ условія мира, въ числѣ которыхъ выставлена была также независимость сербскаго народа подъ покровительствомъ Россіи и Турціи; Кара-Георгія предполагалось сдѣлать наслѣдственнымъ княземъ. Однакожь миру не суждено было состояться. Въ началѣ 1809 г. Порта, сблизившись съ Англіей, задумала снова завладѣть отторгнутыми отъ нея провинціями. Освѣдомившись въ апрѣлѣ, что русскія войска по спадѣ водъ тотчасъ перейдутъ Дунай, Кара-Георгіи рѣшился начать наступательныя дѣйствія противъ турокъ и соединиться съ черногорцами, а также съ христіанами Босніи и Герцеговины. Напрасно русскій главнокомандующій, князь Прозоровскій, уговаривалъ его не начинать военныхъ дѣйствій до перехода Дуная русскими войсками, Кара-Георгіи не послушался его совѣта: три сербскія арміи двинулись на врага... Къ несчастью нишская армія была поручена неспособному воеводѣ Милоѣ; 20.000 турокъ подошли къ Нишу и 19-го мая ударили на осаждавшихъ его сербовъ, а гарнизонъ Ниша сдѣлалъ вылазку къ сторонѣ Каменицы, гдѣ стоялъ съ 3.000 человекъ Стефанъ Синдѣличъ. Милое, изъ вражды къ нему, отказалъ ему въ помощи. Тогда Синдѣличъ взорвалъ свой шанецъ на воздухъ и погибъ въ немъ вмѣстѣ съ ворвавшимися въ него турками. Самъ Милое въ беспорядкѣ отступилъ къ Делиграду.

13-го августа 6-тысячный отрядъ турокъ, перейдя на лѣвый берегъ Моравы, занялъ Ягодину. Дорога къ Бѣлграду была открыта. Паника распространилась по Сербіи. Многія сербскія семейства бросились искать спасенія въ Австріи. При этихъ-то печальныхъ для Сербіи обстоятельствахъ, ея вождь выказалъ особую силу духа: переходя изъ округа въ округъ, онъ уговаривалъ народъ не оставлять своего отечества и поддерживать защиту его противъ непріятеля. Въ то же время Кара-Георгіи отправилъ въ русскую главную квартиру одно за другимъ два письма, въ которыхъ въ сильныхъ

выраженіяхъ излагалъ все происшедшее, и приглашалъ русскихъ, какъ братьевъ и христіанъ.

Русская армія вступила въ Болгарію, и Порта поспѣшила стянуть туда свои войска. Измученная Сербія могла вздохнуть свободно. Но тутъ снова начались распри между вождями; явились партіи, желавшія подчиниться то Турціи, то Австріи, то Россіи; однако Кара-Георгій примкнулъ къ партіи, старавшейся поддержать союзъ со своей старой покровительницей, и выслалъ на соединеніе съ русскимъ отрядомъ графа Цукато 4.500 человекъ пѣхоты и 1.500 человекъ конницы. Въ засѣданіи совѣта, происходившемъ въ присутствіи верховнаго вождя, было рѣшено принять участіе въ войнѣ по желанію Россіи и впредь искать ея покровительства. Вновь устроенная сербская армія состояла изъ 58.000 человекъ при 75 пушкахъ. Въ іюлѣ русскій генераль Цукато перешелъ въ Сербію. Вслѣдъ затѣмъ союзники заняли Неготинъ и Паланку. Вскорѣ турки были разбиты на всѣхъ пунктахъ. Осенью русскія войска удалились изъ Сербіи на зимнія квартиры въ Валахію.

Между тѣмъ раздоръ партій не прекращался въ Сербіи и сильно препятствовалъ установленію порядка въ странѣ. Чтобы усилить свою власть, Кара-Георгію пришлось пожертвовать нѣсколькими непокорными воеводами: они были изгнаны изъ Сербіи. Въ это время границы княжества значительно расширились. Потеря въ жителяхъ, выселившихся въ послѣдніе годы въ Австрію, была пополнена съ одной стороны бѣглецами босняками (христіанами), а съ другой — болгарами, переселившимися въ Сербію изъ земель, гдѣ происходила война между турками и русскими. Народное благосостояніе, несмотря на продолжительную войну, можно было назвать удовлетворительнымъ. Обиліе хлѣба было такъ значительно, что въ 1812 г. на каждую нахію (нахія — округъ, ихъ было 21) возложили обязанность доставить русскимъ войскамъ до 1.000.000 окъ (око = три фунта) провіанта; но военныя силы сербовъ, получившія нѣкоторую организацію и даже особый мундиръ, были значительно ослаблены многочисленными битвами этой кампаніи. Въ началѣ іюля 1812 г. въ Бухарестѣ былъ заключенъ между Россіей и Турціей мирный договоръ, въ 8-ю статью котораго было включено условіе — довольно впрочемъ неопредѣленное — объ устройствѣ независимаго управленія въ Сербіи, но крѣпости въ этой странѣ должны были оставаться въ рукахъ турокъ. Такъ какъ

въ этомъ договорѣ количество дани и взаимныя отношенія сербовъ и турокъ опредѣлены не были, то сербская скупщина отправила въ Константинополь депутатовъ для окончательнаго заключенія мира. Народные посланцы однако вернулись домой ни съ чѣмъ: имѣя въ виду начавшуюся войну Россіи съ Франціей, Порты требовала, чтобы сербы положили оружіе и, признавъ себя подданными султана, позволили ввести въ своей странѣ прежнее турецкое управленіе. Въ то же время къ границамъ Сербіи стягивались турецкія войска. Сербы также приготовились къ войнѣ. Подъ ружье были призваны всѣ способные носить оружіе. Первый ударъ турокъ пришлось выдержать гайдуку Велько, который съ 7.000 отрядомъ былъ осажденъ въ Неготинѣ. Сербы дрались отчаянно, но съ истощеніемъ всѣхъ запасовъ и со смертью Велька, который былъ разорванъ пополамъ ядромъ, городъ принужденъ былъ сдаться и вскорѣ всѣ восточные округа были заняты турками; на западной границѣ города и укрѣпленные пункты, охраняемые небольшими отрядами, одинъ за другимъ переходили во власть непріятели. Кара-Георгій, лежавшій въ горячкѣ въ Тополѣ, получалъ отовсюду самыя неутѣшительныя извѣстія; едва оправившись отъ болѣзни, онъ бросился было къ Шабацу, куда подступала западная турецкая армія, но было уже поздно: тутъ онъ узналъ, что населеніе бѣжить въ Австрію, которая сулитъ всякія льготы. Кара-Георгій кидался изъ стороны въ сторону, чтобы удержать народъ отъ переселенія, но все было напрасно: ни воеводы, ни народъ не слушались его, всякій думалъ только о своемъ спасеніи. Тогда Кара-Георгій послѣдовалъ примѣру бѣжавшихъ и самъ укрылся въ Австрію, туда же удалились члены правительствующаго совѣта и всѣ главнѣйшіе воеводы, за исключеніемъ одного Милоша Обреновича, который на всѣ увѣщанія своихъ друзей, совѣтовавшихъ ему бѣжать съ ними, твердилъ одно: «Нельзя бѣжать отъ общаго горя». Такимъ образомъ, онъ остался на сербскомъ берегу единственнымъ представителемъ народа. Такъ посмотрѣли на него и турки, которые, занявъ большую часть страны, вступили въ переговоры съ Милошемъ Обреновичемъ. Милошъ покорился и былъ назначенъ главнымъ кнезомъ трехъ округовъ. Для сербовъ снова настали черные дни. Во всѣхъ укрѣпленныхъ пунктахъ стояли турецкія войска. Повсюду появились турецкіе чиновники (муселимы); на сербовъ была наложена большая подать, которую собирали сами же турки. Народъ без-

престанно выгоняли на общественныя и крѣпостныя работы. Назначены были особые сердари, чтобы отобрать у сербовъ оружіе. Никто не осмѣливался носить на себѣ дорогихъ украшеній, потому что ихъ тотчасъ же отнимали турки; даже жена Милоша ходила въ простомъ сельскомъ одѣяніи. Но и положеніе сербовъ, бѣжавшихъ въ Австрію, было немногимъ лучше: Кара-Георгій, его семейство и всѣ сербскіе главари были взяты подъ стражу, а имущество ихъ отобрано. Австрійскія власти неоднократно спрашивали ихъ, гдѣ они желаютъ поселиться, и получали одинъ отвѣтъ: «въ Россіи». Ихъ переводили изъ города въ городъ, изъ крѣпости въ крѣпость и все держали подъ стражею. Въ Грацѣ, куда въ послѣднее время былъ переведенъ Кара-Георгій, губернаторъ Штирія, князь Гогенцоллернъ, уговаривалъ его подписать обѣщаніе на вѣрность Австрійскому дому и остаться жить въ его владѣніяхъ; въ награду за это сербскому вождю былъ обѣщанъ титулъ князя и, въ случаѣ занятія австрійцами Сербіи, Босніи и Герцеговины, званіе владѣтеля этихъ земель, подъ покровительствомъ Австріи. Кара-Георгій отвѣтилъ отказомъ. Наконецъ, по настоянію русскаго правительства, Вѣискій дворъ согласился на переселеніе въ Россію сербскихъ вождей. Въ сентябрѣ 1814 г. Кара-Георгій и нѣкоторые его товарищи, оставивъ все свое имущество въ рукахъ австрійцевъ, съ русскими паспортами прибыли въ Хотинъ, гдѣ имъ было назначено отъ русскаго Государя приличное содержаніе. Съ простыми сербами, перебѣжавшими въ Австрію, австрійскія власти обращались еще хуже; такое обращеніе заставило часть сербовъ возвратиться назадъ подъ турецкое владычество, хотя и въ этомъ австрійцы препятствовали имъ.

Между тѣмъ положеніе сербовъ въ Турціи дѣлалось день ото дня хуже. Турки, добившись владычества надъ ними послѣ упорнаго и долгаго сопротивленія, относились теперь къ сербской «райѣ» не только съ презрѣніемъ, но и съ ненавистью. Множество христіанъ было заковано и брошено въ темницы, десятки живыми посажены на коль, сотни обезглавлены... Народъ не могъ долѣе терпѣть и взялся за оружіе. Послѣ нѣсколькихъ мелкихъ вспышекъ, подавленныхъ силою, возникло широкое народное движеніе съ Милошемъ Обреновичемъ во главѣ. Возстаніе вспыхнуло въ началѣ 1815 г. въ с. Таковѣ ⁷⁾, въ Рудницкомъ округѣ и тотчасъ

⁷⁾ Въ память того, что возстаніе началось въ с. Таково, установленъ орденъ крестъ «Такова» нѣсколькихъ степеней, жалуемый за боевыя отличія. Кресты эти мѣдныя; они дѣлаются (по крайней мѣрѣ дѣлались раньше) изъ мѣдныхъ, отбитыхъ во время этого возстанія у турокъ, орудіи.

же распространилось и на сосѣдніе округа. Сербы дрались съ отчаяннымъ мужествомъ. Скоро большая часть страны была очищена отъ турокъ. Благодаря этой удачѣ сербовъ, а также поддержкѣ русскаго посланника въ Константинополь и заступничеству великаго визиря, называвшаго сербовъ народомъ мирнымъ и обвинявшаго во всемъ пашу, который управлялъ ими, оттоманское правительство поспѣшило покончить съ сербскимъ вопросомъ: оно предписало великому визирю Марашли-Али-пашѣ идти въ Бѣлградъ и управлять «райей», какъ отецъ—дѣтьми. Прибывъ въ Бѣлградъ, Марашли-Али-паша заключилъ съ Милошемъ договоръ, по которому въ Бѣлградской крѣпости долженъ былъ оставаться только обычный турецкій гарнизонъ; тяжбы между турками и сербами или между христіанами должны разбираться въ окружающихъ городахъ муселимомъ и сербскимъ кнезомъ совмѣстно; подати должны опредѣляться пашей и кнезами, но собираться—только сербскими властями; въ Бѣлградѣ должно было быть учреждено высшее административное и судебное управленіе, состоящее изъ 12 сербовъ, по одному изъ cadaго округа. Права Милоша въ этомъ договорѣ опредѣлены не были, но на дѣлѣ онъ оставался главнымъ кнезомъ страны и имѣлъ въ своихъ рукахъ высшую верховную власть надъ своими соплеменниками. Миръ былъ повидимому водворенъ въ Сербіи. Однако же турки долго еще не могли свыкнуться съ новымъ порядкомъ вещей и отказаться отъ своевольныхъ дѣйствій; муселимы и спахи (правители городовъ и округовъ) часто позволяли себѣ разныя безчинства и тѣмъ нѣсколько разъ вызывали между сербами мятежи, которые были подавляемы суровыми мѣрами. Бѣлградскій паша Марашли-Али, не рѣшаясь дѣйствовать открыто противъ Милоша, возбуждалъ противъ него другихъ сербскихъ старѣйшинъ; но Милошъ, считая себя законнымъ главою сербскаго народа, не допускалъ противодѣйствій, сурово расправляясь съ противниками своей власти; въ средствахъ для борьбы онъ не былъ разборчивъ: вліятельные старѣйшины, Моллеръ и епископъ Мелентій, были задушены; Кара-Георгій, вздумавшій возвратиться въ отечество, въ 1817 г. былъ убитъ въ Смедеревѣ. Голову прежняго вождя сербовъ паша отослалъ въ Константинополь, гдѣ ее выставили на воротахъ сераля; тѣло же убитаго было торжественно похоронено Милошемъ въ церкви села Тополы, въ которомъ родился Кара-Георгій. По словамъ современниковъ, въ Сербіи не было человѣка выше ростомъ убитаго

вождя; руки и ноги его отличались необыкновенными размѣрами, лицо—темнымъ цвѣтомъ, что и было причиной прозвища «Черный» (по-турецки—Кара). Онъ былъ трудолюбивъ, чрезвычайно подвиженъ, суровъ и простъ въ домашнемъ обиходѣ; носилъ всегда народную одежду, говорилъ мало, рѣзко и отрывисто. Въ политическихъ дѣлахъ Кара-Георгій легко поддавался влиянію другихъ старшинъ, менѣе отважныхъ, чѣмъ онъ, но болѣе лукавыхъ и болѣе заботившихся о своихъ личныхъ выгодахъ. Гнѣвъ и винные пары часто доводили его до поступковъ жестокихъ, безчеловѣчныхъ; онъ не задумался даже убить своего отца, когда тотъ сталъ дѣйствовать противъ него. Это былъ типъ суроваго, воинственнаго гайдука, болѣе пригоднаго для войны съ врагомъ, чѣмъ для устройства страны и введенія въ ней гражданственности. (Освободившись отъ соперниковъ, Милошъ сталъ стремиться къ укрѣпленію своей власти (народная скупщина признала его наследственнымъ княземъ Сербіи) и къ расширенію правъ сербскаго народа по отношенію къ туркамъ. Для этого онъ удержалъ въ странѣ военное управленіе и настоялъ на томъ, чтобы окружные кнезы ⁸⁾ получали жалованье изъ общей земской казны, чѣмъ поставилъ ихъ въ зависимость отъ себя. Утвержденія своихъ правъ отъ султанскаго правительства Милошъ добивался тремя путями: а) личными переговорами съ бѣлградскимъ пашей, б) посылкою отъ времени до времени особыхъ депутатовъ въ Константинополь и в) черезъ русскаго посланника, барона Г. А. Строганова, который принималъ живое участіе въ дѣлахъ возрождающагося славянскаго княжества и своими совѣтами и предстательствомъ предъ султанскимъ правительствомъ оказалъ большія услуги неопытному въ дипломатическихъ дѣлахъ сербскому вождю. Тѣмъ не менѣе Милошу долго не удавалось достигнуть исполненія своихъ завѣтныхъ желаній. Понимая, что свое положеніе онъ можетъ упрочить только при значительныхъ матеріальныхъ средствахъ, Милошъ сталъ стремиться къ приобрѣтенію ихъ. При помощи подкупленныхъ имъ турецкихъ чиновниковъ онъ взялъ въ свои руки собраніе податей, идущихъ въ пользу турецкаго правительства, аренду султанскихъ имуществъ въ Сербіи и таможенъ. Кромѣ того занялся торговлею скотомъ и солью. Эти занятія доставили ему богатства, о которыхъ раньше не слыхивали въ Сербіи.

⁸⁾ Эти кнезы были нязь сербовъ: они управляли округами совмѣстно съ турками.

Со вступленіемъ на російскій престолъ Императора Николая I покровительство Россіи сербскому народу приняло вполне определенный характеръ. Въ 1826 г. по Аккерманской конвенціи, заключенной между русскими и турецкими уполномоченными, Порта обязалась привести въ немедленное исполненіе всё постановленія, означенныя въ 8-й статьѣ Бухарестскаго договора относительно народа сербскаго; но щедрая на обѣщанія, она по обыкновенію всячески тормозила и откладывала ихъ исполненіе и только въ 1829 г., когда былъ заключенъ Адрианопольскій миръ ⁹⁾, Порта обязалась «безъ малѣйшаго отлагательства, съ добросовѣстною точностью» исполнить свои обѣщанія относительно Сербіи. На этотъ разъ сама Россія вытребовала отъ султана фирманъ, въ которомъ Сербіи возвращалось шесть округовъ, принадлежавшихъ ей при Кара-Георгіѣ; всё подати соединялись въ одну общую, определенную сумму и воспрещалось туркамъ жить въ Сербіи, за исключеніемъ тѣхъ, которые составляли гарнизонъ въ крѣпостяхъ; кромѣ того сербамъ предоставлялись разныя права и льготы во внутреннемъ управленіи.

Съ признаніемъ правъ сербскаго народа, необходимо было определить границы новаго полунезависимаго княжества и права его верховной власти. Въ 1830 г. прибыла въ Сербію турецко-русская комиссія, имѣвшая цѣлью произвести разграниченіе между сербскими и турецкими округами. Русскими комиссарами были капитаны генеральнаго штаба: Коцебу (президентъ комиссіи) и Розаліонъ-Сошальскій, въ распоряженіи которыхъ состояли топографы Эссенъ и Каменскій. Кюниберъ ¹⁰⁾ отзывается о русскихъ комиссарахъ слѣдующимъ образомъ: «Это были талантливые молодые люди съ манерами привѣтливыми и исполненными достоинства. Въ скоромъ времени они научились мѣстному языку и очень бѣгло объяснялись на немъ». Благодаря ихъ неутомимой дѣятельности и лѣни турецкихъ комиссаровъ, въ пользу Сербіи было занято возможно большее количество земли, хотя въ нѣкоторыхъ округахъ турки сопротивлялись съ оружіемъ въ рукахъ приходу комиссіи, а мѣстные христіане не осмѣливались открыто объявлять себя на сторонѣ Сербіи.

⁹⁾ Въ предшествовавшей войнѣ Сербіи по совѣту Россіи сохраняла нейтралитетъ, но сербскій отрядъ волонтеровъ принималъ участіе въ битвѣ съ турками вмѣстѣ съ русскими войсками.

¹⁰⁾ Домашній врачъ Милоша.

Между тѣмъ Милошъ настойчиво и неотступно добивался исполненія своей завѣтной мечты: признанія его со стороны оттоманскаго правительства наслѣдственнымъ княземъ Сербіи. Громадныя суммы были истрачены имъ на подкупы высшихъ сановниковъ Порты; подарокъ одному султану составлялъ 500.000 піастровъ золотомъ. Наконецъ, хаттишерифъ былъ подписанъ и торжественно провозглашенъ въ Бѣлградѣ 30-го ноября 1830 г., въ день покровителя Сербіи св. Андрея Первозваннаго. Этимъ актомъ Милошъ былъ подтвержденъ въ достоинствѣ наслѣдственнаго башъ-кнеза (главнаго кнеза) и запрещалось турецкимъ чиновникамъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла этой страны. Въ остальныхъ пунктахъ хаттишерифа (всѣхъ—24) опредѣлялись разныя права и вольности, даруемыя султаномъ сербскому народу. Говорилось, между прочимъ, и о томъ, что Милошъ раздѣляетъ власть съ сенатомъ и собраніемъ изъ народныхъ начальниковъ. Этотъ пунктъ былъ включенъ въ хаттишерифъ по настоянію сербскихъ депутатовъ, но безъ вѣдома Милоша, и имѣлъ цѣлью ограниченіе его власти. Впослѣдствіи онъ послужилъ поводомъ къ большимъ волненіямъ въ странѣ.

Новое княжество было признано вскорѣ правительствами Россіи и Австріи. Оставалось рѣшить вопросъ объ устройствѣ государственнаго управленія въ Сербіи. По примѣру Молдавіи и Валахіи, которымъ графъ Киселевъ далъ органической статутъ, нѣкоторые изъ старѣйшинъ, между прочимъ и самые приближенные къ Милошу люди, каковы были Ома Вучичъ, братья Симичи и Авраамъ Петроніевичъ и др., страстно желали введенія государственнаго «Устава» въ Сербію, но встрѣтили упорное сопротивленіе въ Милошѣ, который не хотѣлъ дѣлиться своей властью съ кѣмъ бы то ни было. Съ годами его крутое управленіе вызывало все большее и большее недовольство въ странѣ, но онъ не замѣчалъ этого въ упоеніи своею властью. Яснѣ всего изложилъ ему недостатки его управленія знаменитый сербскій писатель Вукъ Караджичъ въ длинномъ письмѣ, посланномъ Милошу изъ Австріи 18-го апрѣля 1832 г. Какъ видно изъ этого письма, управленіе Сербіи мало чѣмъ разнилось отъ управленія въ какомъ-либо турецкомъ пашалыкѣ. Чиновники были рабами Милоша, которыхъ онъ возвышалъ и понижалъ по своему произволу, а иногда награждалъ и палочными ударами; личныя достоинства не только не уважались, но даже преслѣдовались. Прибыльная торговля рогатымъ скотомъ и свиньями была захвачена въ свои руки княземъ и его

компаньонами. Народъ былъ отягощенъ работами въ пользу чиновниковъ и князя; жители отдаленныхъ округовъ ходили косить сѣно на княжескихъ лугахъ въ окрестностяхъ Крагуеваца и Бѣлграда. Купцы и ремесленники должны были закрывать свои заведенія и идти работать «на господаря». Вызывала также осужденіе въ народѣ и частная жизнь Милоша (слабость его къ женскому полу), дававшая обильную пищу для разныхъ пересудъ. Число недовольныхъ управленіемъ Милоша все болѣе и болѣе увеличивалось и, наконецъ, дѣло дошло до открытаго возстанія въ Крагуевацѣ въ январѣ 1835 г. Хотя оно кончилось примиреніемъ князя съ бунтовщиками, но Милошъ вынужденъ былъ обѣщать дать «Уставъ». 2-го февраля въ Крагуевацѣ передъ народной скупщиной былъ прочитанъ проектъ «Устава» новаго государственнаго устройства. «Уставъ» передавалъ всю правительственную дѣятельность — законодательную, исполнительную и судебную — державному совѣту; въ рукахъ же князя оставался только высшій надзоръ и подтвержденіе. Составленный наскоро «Уставъ» вызвалъ на первыхъ же порахъ много затрудненій при примѣненіи его на практикѣ, вслѣдствіе заключающихся въ немъ противорѣчій. Кромѣ того онъ привлекъ къ Сербіи вниманіе другихъ державъ. Австрія прежде всего сочла своимъ долгомъ вмѣшаться въ сербскія дѣла: она представила официальное требованіе Милошу и послала формальныя просьбы русскому правительству и Портѣ объ уничтоженіи сербскаго «Устава», могущаго, по ея словамъ, взволновать соеднѣнія съ Сербіей австрійскія области. Россія и Турція также были недовольны, потому что «Уставъ» появился безъ ихъ вѣдома. Русское правительство сочло нужнымъ послать въ Сербію особаго чиновника, чтобы развѣдать на мѣстѣ о положеніи политическихъ партій въ странѣ. Приѣздъ русскаго уполномоченнаго, барона Рикмана, не принесъ никакого существеннаго улучшенія сербскимъ дѣламъ, но рѣзкое и надменное обращеніе барона произвело, по словамъ придворнаго врача Милоша, Кюнибера, и сербскихъ мемуаровъ, весьма тягостное впечатлѣніе на народныхъ старѣйшинъ. Державный совѣтъ остался попрежнему съ характеромъ исполнительнаго органа въ рукахъ Милоша. Тѣмъ не менѣе положеніе сербскаго князя было очень затруднительно, потому что исполнители его воли были первыми его врагами. Немалыми виновниками внутреннихъ смуть были и дипломатическіе агенты европейскихъ державъ, которые стали селиться въ Бѣлградѣ съ 1836 г. Къ интри-

гамъ австрійскаго агента присоединился англійскій—полковникъ Ходжесъ. Дѣйствуя черезъ Кюнибера, онъ склонялъ князя отдаться подъ покровительство Великобританіи, но Милошъ, однако, колебался, ссылаясь на народъ, который былъ привязанъ къ Россіи и чуждался другихъ державъ. Въ половинѣ октября 1837 г. пріѣхалъ въ Сербію съ чрезвычайнымъ порученіемъ флигель-адъютантъ Императора Николая, полковникъ князь Вас. Андр. Долгорукій. Молодой князь, по словамъ Кюнибера, представлялъ полную противоположность прежнему русскому уполномоченному: «Чуждаясь надменнаго тона и оскорбительнаго обращенія, которыми отличался баронъ Рикманъ, онъ выказывалъ князю то вниманіе и предупредительность, какихъ заслуживаетъ глава cadaго государства, хотя бы такого маленькаго, какъ Сербія. Особенно въ обществѣ онъ никогда не negliжировалъ тѣми правилами, которыя приличіе предписываетъ соблюдать относительно лицъ высшихъ и никогда не обнаруживалъ ни цѣли своего пріѣзда, ни причинъ, вызвавшихъ его». Кюниберъ приводитъ и содержаніе бесѣды, происшедшей между Милошемъ и княземъ Долгорукимъ. Русскій уполномоченный упрекалъ Милоша, хотя въ самой мягкой формѣ, за его дружбу съ австрійскимъ и англійскимъ консулами и за предпочтеніе добрыхъ отношеній къ Великобританіи такимъ же отношеніямъ къ Россіи. Изъ всѣхъ ошибокъ Милоша эта послѣдняя, по словамъ Долгорукаго, была самой чувствительной для русскаго Императора. Что же касается внутренняго состоянія Сербіи, то русскій уполномоченный заявилъ, что онъ изъ собственнаго наблюденія убѣдился, какъ невѣрны были увѣренія недоброжелателей Милоша, старавшихся представить русскому Императору Сербію въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Князь Долгорукій, обѣщаясь довести объ этомъ до свѣдѣнія своего повелителя, говорилъ, что Императоръ требуетъ, чтобы было исполнено постановленіе хаттишерифа 1830 г. объ учрежденіи сената, члены котораго были бы несмѣняемы. Этими членами должны быть старѣйшины, оказавшіе наиболѣе услугъ отечеству; при этомъ Долгорукій представилъ и списокъ тѣхъ лицъ, которыхъ Императоръ желалъ бы видѣть въ числѣ сенаторовъ. Съ устройствомъ сената князю должна была принадлежать власть исполнительная, право назначенія чиновниковъ, начальствованіе надъ войскомъ и право помилованія. Въ заключеніе князь Долгорукій добавилъ, что одна лишь Россія, содѣйствовавшая оружіемъ и дипломатіей постепенному освобожденію сербовъ

отъ турецкаго владычества, имѣетъ право покровительствовать Сербіи, и что она, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла сербовъ, не потерпитъ вмѣшательства и со стороны какой-либо другой державы. Между тѣмъ въ Константинополѣ Австрія и Англія возстановили валл Порту противъ Россіи во вредъ ея отношеніямъ къ Сербіи. Однако, русскому послу Бутеневу удалось преодолѣть всѣ затрудненія: Порты пошла во всею руку объ руку съ Россіей. Согласно желанію Россіи, новый уставъ государственнаго устройства Сербіи провозглашалъ равенство всѣхъ сербовъ предъ закономъ, неприкосновенность личности и собственности, свободу торговли и уничтоженіе натуральной повинности (кулукъ); административная и судебная іерархія была опредѣлена съ полной обстоятельностью; законодательная дѣятельность предоставлялась совѣту, члены котораго, будучи разъ назначены главою государства, дѣлались несмѣняемыми и могли не допускать въ свою среду людей, не нравившихся имъ; за княземъ же оставалась лишь исполнительная власть. Этотъ уставъ былъ обнародованъ въ Бѣлградѣ 18-го февраля 1833 г. Милошу волей-неволей пришлось на первыхъ порахъ подчиниться, но раздраженный враждебнымъ къ нему отношеніемъ членовъ совѣта и «попечителей» (министровъ), а также, быть можетъ, не будучи въ состояніи примириться съ новымъ ограниченнымъ для него положеніемъ, онъ покинулъ Бѣлградъ и, перебравшись въ сосѣдній австрійскій городъ Землинъ, сталъ тамъ ожидать благопріятнаго для него оборота дѣлъ въ Сербіи. Скоро, впрочемъ, онъ, слѣдуя внушеніямъ англійскаго консула, возвратился въ Бѣлградъ, но не надолго. Въ Крагуевацѣ вспыхнуло военное возстаніе противъ членовъ совѣта (слѣдовательно враговъ Милоша); хотя Милошъ, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ подстрекательствѣ къ бунту, принужденъ былъ дать Вучичу — одному изъ виднѣйшихъ членовъ совѣта — полномочіе на усмиреніе возстанія, но когда возстаніе было подавлено, безъ пролитія, впрочемъ, крови, и надъ зачинщиками мятежа былъ назначенъ судъ, то на созванной въ Бѣлградѣ скупщинѣ онъ былъ обвиненъ, какъ зачинщикъ военнаго мятежа. Отъ имени скупщины ему было послано требованіе: или явиться передъ нею на судъ или отказаться отъ княжескаго званія. Милошъ избралъ послѣднее: 1-го іюня 1839 г. онъ подписалъ отреченіе, а 3-го іюня переѣхалъ въ Валахію вмѣстѣ со своимъ сыномъ Михаиломъ, который послѣ краткаго княженія Милана, старшаго сына Милоша, былъ избранъ въ князя и прибылъ въ Сербію 12-го

марта 1840 г. Между тѣмъ раздоры партій продолжались: одни желали возвращенія стараго князя, другіе стояли за новый порядокъ вещей, третьи, наконецъ, хлопотали о призваніи династіи Карагеоргіевичей.

Сербскому князю сильно хотѣлось возстановить постоянныя и дружескія отношенія съ Россіей, но это ему не вполне удавалось: мѣшали члены «совѣта» во главѣ съ Вучичемъ и Петроніевичемъ, недовольные тѣмъ, что Россія черезъ флигель-адъютанта Императора, князя Ливена, стараясь сохранить равновѣсіе между совѣтомъ и княземъ, поддерживала послѣдняго противъ притязаній членовъ совѣта, забравшихъ всю власть въ свои руки. Въ народѣ росло недовольство: пользуясь неопытностью и слабостью молодого князя, высшіе чиновники позволяли себѣ дѣйствовать самовластно. Кромѣ того, многія должности были замѣщены австрійскими сербами, какъ людьми болѣе образованными; но народу они не нравились за свой нѣмецкій образъ жизни и ихъ называли «швабами». Обвиняли также правительство за разныя льготы, которыя оно давало австрійскимъ купцамъ. Между тѣмъ Вучичъ и Петроніевичъ—совѣтники князя—чтобы поддержать свое значеніе, опирались то на Турцію, то на Австрію, стремившуюся подорвать вліяніе Россіи въ Придунайскихъ княжествахъ. Въ Землинѣ, подъ предлогомъ расчистки русла Сабы и Дуная, проживалъ австрійскій генераль Гауеръ, который вмѣшивался во всѣ интриги, сходявшіяся въ Бѣлградѣ. Такъ какъ русское правительство поддерживало князя, то Гауеръ являлся ревностнымъ сторонникомъ членовъ совѣта. Въ августѣ 1842 г. Вучичу удалось поднять возстаніе противъ князя Михаила, войска котораго вскорѣ были разсѣяны и самъ онъ бѣжалъ въ Землинъ. Въ Бѣлградѣ образовалось временное правительство и была созвана народная скупщина. На Врачарѣ, подъ Бѣлградомъ, собрались огромныя толпы народа и провозгласили сербскимъ княземъ Александра Карагеоргіевича: султанъ не замедлил прислать берать, утверждавшій его въ этомъ званіи, но Императоръ Николай, узнавъ о случившемся, написалъ собственноручное письмо на имя султана съ выраженіемъ сожалѣнія, что султанъ безъ вѣдома Россіи утвердилъ незаконное избраніе толпою мятежниковъ новаго князя и тѣмъ отступилъ отъ пути, опредѣленнаго взаимными договорами Россіи и Турціи. По настоянію Россіи были назначены новые выборы въ скупщину, которые происходили подъ наблюденіемъ русскаго и турецкаго комиссаровъ. Открытіе скуп-

щины произошло въ Топчидерѣ 15-го іюня 1843 г., въ присутствіи барона Ливена и Гафиза-паши, и только тогда, когда на ней снова послѣдовало единогласное избраніе въ князя Александра Карагеоргіевича, Россія признала его.

Правленіе Александра Карагеоргіевича продолжалось 16 лѣтъ и отличалось полнымъ внутреннимъ спокойствіемъ. Власть находилась въ рукахъ одной партіи, ревниво охранявшей свое привилегированное положеніе и суровыми мѣрами подавлявшей всякое противодѣйствіе; во главѣ этой партіи стояли члены совѣта. 1848 г. былъ для сербовъ ударомъ грома: онъ пробудилъ въ различныхъ частяхъ этого народа сознаніе своего племенного единства. Борьба австрійскихъ сербовъ съ мадьярами вызвала въ княжествѣ цѣлое движеніе: цѣлыя толпы народа бросились на помощь своимъ соплеменникамъ, не подозрѣвая, что они ратовали въ сущности не за своихъ собратій, а за интересы Габсбурговъ. Послѣ этой войны въ политикѣ сербскаго правительства сталъ сказываться крутой поворотъ. Сторонники Карагеоргіевича никогда не могли простить Россіи того противодѣйствія, которое она выказывала при избраніи его въ сербскіе князья. Съ особенною ясностью высказалось неуваженіе къ Россіи въ концѣ 1850 г., когда благодаря вліянію Австріи старшинство между иностранными консулами было предоставлено представителю Англіи, какъ старѣйшему по времени назначенія; до тѣхъ же поръ русскій консулъ, являясь представителемъ покровительствующаго двора, пользовался первенствомъ между другими дипломатическими агентами въ Бѣлградѣ. Становясь во враждебныя отношенія къ Россіи, сербское правительство все болѣе и болѣе сближалось съ Турціей и Австріей. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда разразилась великая восточная война. Начальникомъ дипломатической канцеляріи въ Сербіи въ это время былъ Іованъ Мариновичъ, получившій воспитаніе въ Парижѣ. Партія, къ которой онъ примыкалъ, опиралась на Австрію и на французскаго генеральнаго консула Сегюра; эта партія всячески старалась увлечь князя на путь противодѣйствія русской дипломатіи. Князь поддался этимъ внушеніямъ и обратился къ бѣлградскому пашѣ и иностраннымъ консуламъ съ жалобой на «тиранство» Россіи. Такимъ направленіемъ сербской политики воспользовались приверженцы Обреновичей. Слѣдуя ихъ внушеніямъ, народъ, не желавшій разрыва съ Россіей, заволновался; Карагеоргіевичу грозило паденіе. Но

его спасла сама же Россія: чрезвычайный комиссаръ отъ русскаго правительства, Фонтонъ, объѣхалъ нѣсколько округовъ Сербіи, встрѣчая всюду восторженный пріемъ, и уговаривалъ народъ спокойно выжидать исхода войны Россіи съ Турціей; при этомъ онъ прибавлялъ, что русское правительство вовсе не желаетъ сверженія Карагеоргіевича. Союзныя державы знали хорошо по донесеніямъ своихъ агентовъ, что сербовъ нельзя заставить поднять оружіе противъ Россіи; поэтому они склонили Порту признать за Сербіей право нейтральности. Этимъ была предупреждена возможность возстанія всѣхъ окружавшихъ Сербію славянскихъ народностей, и Россія лишилась своего естественнаго и вѣрнаго союзника въ борьбѣ съ Турціей и затѣмъ во время Крымской кампаніи. Установленію такого положенія помогала и Австрія; вѣрная своимъ завѣтамъ—вредить славянамъ—она, когда русскія войска заняли Валахію, выставила на Дунаѣ наблюдательный корпусъ съ цѣлью не допустить Сербію къ принятію участія въ войнѣ и противодействовать занятію этого княжества Россіей. Тутъ, между прочимъ, имѣлъ мѣсто слѣдующій историческій курьезъ. Комендантъ бѣлградской крѣпости, Иццетъ-паша, извѣстилъ сербскаго князя, что, въ случаѣ перехода австрійцевъ черезъ Дунай, турецкій гарнизонъ будетъ дѣйствовать противъ нихъ совмѣстно съ княжескимъ правительствомъ. Такимъ образомъ, австрійскимъ войскамъ при вступленіи въ Сербію представилась бы очень странная задача: дѣйствовать противъ турокъ и сербовъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ турками противъ русскихъ.

По смерти Императора Николая I открылась конференція въ Вѣнѣ, въ которой приняли участіе представители Австріи, Франціи, Великобританіи, Россіи и Турціи. На этой конференціи было постановлено (3-го марта 1855 г.), что покровительство Россіи надъ Валахіей, Молдавіей (теперешняя Румынія) и Сербіей прекращается, а полученныя этими княжествами привилегіи отъ Порты должны обезпечиваться общимъ ручательствомъ договаривающихся державъ. Съ этихъ поръ Австрія получаетъ преобладающее вліяніе въ Бѣлградѣ; ея консулъ, Тея Радославлевичъ, сдѣлался однимъ изъ главныхъ двигателей сербской политики. Но такой поворотъ въ сторону Австріи не обошелся даромъ князю Александру Карагеоргіевичу. Сербскій народъ инстинктивно чувствовалъ, что швабы (австрійцы) для него опаснѣе турокъ. Турки мучили его тѣло, а въ швабахъ, съ ихъ пропитанной іезуитизмомъ

культурой, онъ видѣлъ губителей своей души, враговъ славянскихъ идеаловъ. Недовольство княземъ за его австрофильскую политику росло все больше и больше; наконецъ, раздались со всѣхъ сторонъ требованія созвать народную скупщину, которая, кстати сказать, давно уже не созывалась, вопреки «уставу» государственнаго устройства. Карагеоргиевичъ вынужденъ былъ уступить. Была созвана, такъ называемая, знаменитая отнынѣ Свято-Андреевская скупщина (названа такъ потому, что открыла свои засѣданія въ Бѣлградѣ 30-го ноября 1858 г., въ день св. Андрея Первозваннаго). Эта скупщина единогласно объявила Карагеоргиевича низложеннымъ и избрала въ князья стараго своего вождя Милоша Обреновича, находившагося въ то время въ Бухарестѣ. Порта, а за нею и остальные дворы утвердили Милоша въ званіи сербскаго князя. Слѣдующая скупщина, въ Крагуевацѣ, въ сентябрѣ 1859 г., выработала законъ, который предоставилъ княжескую власть въ Сербіи мужскому поколѣнію Обреновичей. Престарѣлый Милошъ Обреновичъ скончался черезъ годъ послѣ этого, 26-го сентября 1860 г. Это былъ человѣкъ средняго роста, плотнаго тѣлосложенія. Сдѣлавшись изъ безграмотнаго поселянина полновластнымъ владыкою народа, Милошъ обнаружилъ замѣчательныя природныя дарованія; онъ окружилъ себя австрійскими сербами, которыхъ заставлялъ сообщать себѣ въ извлеченіи болѣе замѣчательныя произведенія тогдашнихъ публицистовъ, а также небольшія сочиненія по части исторіи, географіи и политической экономіи. Благодаря своей обширной памяти, онъ успѣлъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о политическомъ значеніи различныхъ государствъ, объ ихъ исторіи, объ ихъ торговыхъ и промышленныхъ дѣлахъ. Многіе изъ европейскихъ путешественниковъ, посѣщавшіе Милоша, до того были удивлены обширностью его познаній и политической проницательностью, что не хотѣли вѣрить его безграмотности. Сынъ его Михаилъ, во время своего долгаго отсутствія изъ отечества, посѣтилъ всѣ главнѣйшія европейскія государства, много работалъ надъ своимъ образованіемъ и явился вторично на сербскомъ престолѣ уже человѣкомъ опытнымъ и просвѣщеннымъ. Онъ отличался яснымъ умомъ и твердымъ характеромъ.

Хотя независимость внутренняго управленія въ Сербіи была гарантирована великими европейскими державами, но сербскія крѣпости (Бѣлградъ, Владово, Смедерево, Шабацъ и др.) были заняты турками, нерѣдко позволявшими себѣ всякія насилія по отношенію къ

имуществу и личности своихъ сосѣдей-христіанъ. Князь Михаилъ задумалъ во что бы то ни стало освободить Сербію отъ пришельцевъ. Онъ принялся за организацію арміи. До князя Михаила всѣ вооруженныя силы страны заключались въ двухъ тысячахъ «гарнизоннаго воинства». Онъ же завелъ «народное войско» въ сто тысячъ человѣкъ и прилагалъ всѣ усилія, чтобы вооружить и обучить его. Готовясь къ вооруженной борьбѣ съ турками, князь Михаилъ велъ вмѣстѣ съ тѣмъ дипломатическую борьбу за очищеніе сербскихъ крѣпостей отъ турецкихъ гарнизоновъ, что ему и удалось. Вопросъ о турецкихъ гарнизонахъ былъ окончательно рѣшенъ въ мартѣ 1867 г.: благодаря содѣйствію державъ поручительницъ (кромѣ, впрочемъ, Австріи, которая по обыкновенію вредила сербамъ), Порты согласилась вывести свои войска изъ Сербіи, съ тѣмъ, однако, чтобы надъ Бѣлградомъ продолжало развѣваться турецкое знамя.

Продолжая вооружать и устраивать созданную имъ армію, князь Михаилъ выжидалъ удобнаго момента для начала враждебныхъ дѣйствій; сознавая же невозможность бороться одному противъ Турціи, онъ заключилъ военныя конвенціи съ Греціей, Черногоріей и Румыніей, и завелъ сношенія съ бѣлградскими эмигрантами, проживавшими въ Бухарестѣ. Любопытно, что князь Николай соглашался даже подъ извѣстными условіями отказаться отъ черногорскаго престола въ пользу князя Михаила—такъ великъ былъ престижъ этого сербскаго «господаря». Князь Михаилъ предполагалъ начать новый крестовый походъ противъ османовъ не иначе, какъ опираясь на Россію. Для этого имъ былъ посланъ въ С.-Петербургъ съ особой миссіей І. Ристичъ, который представился Императору Александру II въ маѣ 1868 г. Нашъ Государь снова высказалъ увѣреніе въ благоволеніи къ Сербіи, но совѣтовалъ князю быть терпѣливымъ и умѣреннымъ.

Чтобы имѣть обстоятельное представленіе о степени удовлетворительности вооруженныхъ силъ своей страны и о томъ, что для нихъ необходимо, князь Михаилъ еще ранѣе (въ 1867 г.) просилъ русское правительство прислать ему нѣсколько специалистовъ-офицеровъ. Русская военная комиссія прибыла въ Сербію въ маѣ 1867 г. Она состояла изъ полковника геперальнаго штаба Леера, инженеръ-подполковника Постельникова и капитана Снессарева. Опредѣливъ организацію военнаго министерства, дѣйствующей арміи и ея резерва, комиссія составила также и планъ войны съ Турціей. По окончаніи члены комиссія возвратились въ Россію.

Занятый подготовленіями къ осуществленію «великой сербской идеи», князь Михаилъ мало обращалъ вниманія на внутреннія дѣла. Между тѣмъ въ странѣ шли раздоры: враждовали партіи либеральная и консервативная. Послѣдняя составила изъ членовъ совѣта, бывшихъ когда-то врагами абсолютизма Милоша, ихъ сторонниковъ и послѣдователей. Когда князь назначилъ министерство изъ консерваторовъ, то началось преслѣдованіе либеральной партіи; смуты въ странѣ усилились. Этимъ воспользовались приверженцы Карагеоргиевичей. Одинъ изъ нихъ, адвокатъ Пайя Радвановичъ, составилъ заговоръ съ цѣлью убить Михаила Обреновича и возвести на престолъ низвергнутаго Карагеоргиевича. Въ помощь себѣ онъ взялъ нѣсколько преступниковъ, отбывавшихъ наказаніе въ топчидерской тюрьмѣ. 29-го мая 1868 г., когда князь гулялъ со своей невѣстой (племянница его, красавица Катерина Константиновичъ), ея матерью и однимъ адъютантомъ въ топчидерскомъ паркѣ—вдругъ къ нимъ подошли четыре человѣка, остановились и выстрѣлили изъ револьверовъ. Князь и мать его невѣсты, Анна Константиновичъ, были убиты наповалъ, а Катерина Константиновичъ ранена. Убийство князя Михаила (котораго съ тѣхъ поръ стали звать княземъ-мученикомъ) произвело чрезвычайно тягостное впечатлѣніе во всей странѣ; все покрылось трауромъ; и надежды заговорщиковъ не только не оправдались, но они сами были схвачены и вскорѣ по приговору суда казнены. Армія провозгласила княземъ племянника Михаила Обреновича, Милана, обучавшагося въ то время въ Парижѣ. 20-го іюня Миланъ Обреновичъ IV былъ подтвержденъ въ этомъ званіи великой скупщиной, а за малолѣтствомъ его Сербіей стало управлять «намѣстничество» (регентство). 10-го августа 1872 г. исполнилось совершеннолѣтіе князя Милана и онъ принялъ управленіе княжествомъ въ свои руки. Въ первые же годы его княженія начались беспорядки въ Босніи и Герцеговинѣ изъ-за притѣсненія христіанъ мусульманскими властями и помѣщиками (бегами). Въ 1875 г. вспыхнуло возстаніе въ Герцеговинѣ—возлѣ Невесинья и вскорѣ распространилось по всей Босніи и Герцеговинѣ; турки жестоко расправлялись съ возставшими. Сербія и Черногорія не могли оставаться равнодушными къ страданіямъ своихъ братьевъ и стали оказывать—и матеріальными средствами и людьми—энергическую помощь возставшимъ. Однако, слѣдуя внушеніямъ Россіи, которая, находя сербскія войска слишкомъ слабыми для борьбы съ турками, устами

своего представителя въ Константинополь генерала Игнатъева, совѣтовала сербскому правительству не отваживаться на вооруженное вмѣшательство въ босно-герцеговинскія дѣла—Сербія воздержалась пока отъ рѣшительныхъ выступленій точно такъ же, какъ и Черногорія, которой тоже были сдѣланы русской дипломатіей соотвѣтствующія представленія. Съ своей стороны Австрія, вытѣсненная въ 1866 г. изъ Германскаго союза и мечтавшая съ того времени получить вознагражденіе на востокѣ, хлопотала теперь о томъ, чтобы усилить свое вліяніе въ возмущившихся провинціяхъ въ ущербъ Сербіи и Черногоріи. Она старалась раздѣлить эти славянскія княжества и всячески препятствовала ихъ успѣхамъ, особенно не желая, чтобы Боснія и Герцеговина, слившись съ единоплеменными имъ Сербіей и Черногоріей, составили бы вмѣстѣ съ ними въ территориальномъ отношеніи одно нераздѣльное цѣлое.

Между тѣмъ въ Турціи послѣ смерти султана Абдула-Азиса и воцаренія Мурада наступили смуты; казалось, что насталь удобный моментъ для начала враждебныхъ дѣйствій противъ турокъ: Сербія и Черногорія заключили наступательно-оборонительный союзъ. Всю зиму 1875—76 гг. въ Сербіи шла дѣятельная работа по подготовкѣ мобилизаци. 12-го мая 1876 г. былъ принятъ на сербскую службу отставной генераль-маіоръ русскаго генеральнаго штаба, Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, пріобрѣвшій извѣстность своей боевой дѣятельностью въ Туркестанѣ. Онъ тотчасъ же былъ назначенъ начальникомъ главной дѣйствующей арміи—Моравской, а начальникомъ его штаба—русскій же полковникъ В. В. Комаровъ. Въ это время высоко поднялась въ Россіи волна сочувствія къ славянамъ, охвативъ широкіе круги русскаго общества. Славянское благотворительное общество, во главѣ котораго стоялъ извѣстный славянофилъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, собирало громадныя суммы, расходуя ихъ какъ на непосредственную помощь потерпѣвшимъ отъ турецкихъ насилій славянамъ, такъ и на формированіе и отправленіе отрядовъ Краснаго Креста и добровольцевъ.

Наканунѣ объявленія войны сербская армія состояла приблизительно изъ 50.000 пѣхоты, 13 эскадроновъ кавалеріи (около 1.000 коней), 70 полевыхъ и 8 горныхъ орудій, тогда какъ нишскую армію Абдуль-Керима-паши составляли 38.000 низама (отборное регулярное войско), 18.000 черкесовъ и 30.000 башибузуковъ (охотниковъ) при 188 орудіяхъ. Слѣдовательно силы турокъ были

больше. Кромѣ того, по качеству вооруженія, турецкія войска, предназначенныя для дѣйствія противъ Сербіи, значительно превосходили сербскія. Притомъ же эти послѣднія состояли почти исключительно изъ милиціи и добровольцевъ, среди которыхъ было къ концу войны до 3½ тыс. русскихъ (преимущественно отставныхъ офицеровъ и солдатъ) и болгаръ.

Война Турціи была объявлена славянскими княжествами 18-го іюня 1876 г. Моравская армія начала наступленіе на Акъ-Паланку и Пиротъ (по направленію Болгаріи). Сербы надѣялись, что ихъ дѣйствія вызовутъ обширное по размѣрамъ возстаніе въ Болгаріи но этого не произошло, вслѣдствіе чего пришлось отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій и ограничиться обороной. Черезъ мѣсяцъ турецкая армія, значительно усилившаяся, перешла въ наступленіе. Произошли многочисленныя битвы съ перемѣннымъ счастьемъ въ долинѣ Моравы, но значительный перевѣсъ въ силахъ у турокъ рѣшилъ побѣду въ ихъ пользу: послѣ упорнаго сопротивленія сербовъ Дьконишскія высоты и знаменитыя въ исторіи Сербіи Делиградскія позиціи перешли 17-го октября въ руки непріятеля; матеріальныя силы княжества были истощены, войска страдали отъ холода и голода... Князь Миланъ послалъ телеграмму Императору Александру II, умоляя спасти Сербію отъ разгрома. 19-го октября Портѣ былъ предъявленъ нашимъ посломъ въ Константинополь, генераломъ Игнатьевымъ, ультиматумъ о немедленномъ заключеніи перемирія съ Сербіей и Черногоріей подъ угрозой выѣзда русскаго посольства изъ Константинополя. Турція уступила: перемиріе было заключено на два мѣсяца, а 20-го февраля 1877 г.—миръ, подъ условіемъ сохраненія прежнихъ границъ и безъ всякой контрибуціи со стороны побѣжденныхъ. Съ объявленіемъ войны Турціи Россією князь Миланъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы сербская армія была принята для совмѣстныхъ дѣйствій съ русскими войсками, но при матеріальной поддержкѣ со стороны Россіи.

Для выясненія вопроса—насколько сербская армія могла быть для насъ полезна, а также для общаго руководства сербскими военными операціями—былъ командированъ изъ Горнаго Студня (въ Болгаріи) въ концѣ августа 1877 г. генераль-маіоръ генеральнаго штаба Бобрыковъ. 1-го декабря того же года князь Миланъ издалъ прокламацію своему народу объ объявленіи новой войны Турціи. Планъ войны заключался въ содѣйствіи русскимъ

войскамъ и слѣдовательно въ отвлеченіи на себя нѣкоторой части турецкихъ силъ. Сербія на этотъ разъ выставила 80 баталіоновъ (56.500 человекъ) при 178 орудіяхъ; кромѣ того, для отдѣльныхъ операцій были предназначены корпуса: дринскій (12 тыс.) и яворскій (13 тыс.). Къ концу же войны вся сербская армія состояла изъ 138 тысячъ человекъ.

Военныя дѣйствія начались успѣшно. Бои у Акъ-Паланки и подъ Пиротомъ, окончившіеся занятіемъ этихъ укрѣпленныхъ позицій сербами, возвысили духъ войскъ и оказали немаловажное содѣйствіе отряду генерала Гурко, переходившему въ это время Балканы, такъ какъ отвлекли на сербовъ значительную часть арміи Мехмета-паши и связали софійскій резервъ. 29-го декабря былъ взятъ Нишъ, важнѣйшая турецкая крѣпость на границѣ Сербіи, гдѣ побѣдителямъ досталось 267 орудій и 13 тыс. ружей. Затѣмъ послѣдовало занятіе Куршумліи и Враньи. Дорога къ Коссову полю, въ Старую Сербію, колыбель сербства, была открыта. Но какъ разъ въ это время—19-го января 1878 г.—послѣдовало заключеніе перемирія; враждебныя дѣйствія должны были приостановиться на всемъ театрѣ войны къ глубокому огорченію сербскихъ патріотовъ. Правда, въ послѣдствіи Санъ-Стефанскій договоръ предопредѣлилъ сербамъ Ново-базарскій санджакъ съ Новымъ Базаромъ и Митровицею; но Берлинскій конгрессъ отнялъ у нихъ Старую Сербію и предоставилъ ее Австріи, равно какъ и Боснію съ Герцеговиной. Тѣмъ не менѣе результаты этой войны были весьма велики для Сербіи: она приобрѣла полную независимость и значительное приращеніе своей территоріи. Но то обстоятельство, что рядомъ съ нею создавалось новое княжество—Болгарія, которое въ границахъ, назначенныхъ Санъ-Стефанскимъ договоромъ, получало огромное протяженіе, тогда какъ Сербія оставалась въ ограниченныхъ сравнительно предѣлахъ (даже завоеванные сербами Акъ-Паланка, Пиротъ и Вранья по этому договору уступались Болгаріи), и болгарофильство тогдашней нашей дипломатіи, доходившее до того, что даже изъ Старой Сербіи предполагалось сдѣлать болгарскую губернію, оставили въ сербахъ извѣстный осадокъ горечи по отношенію къ Россіи. Этимъ настроеніемъ сербскаго общества искусно воспользовалась Австрія для усиленія своего вліянія въ Бѣлградѣ. Къ тому же въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ организовалась въ Сербіи на ряду съ радикальной— партія «напредняковъ» (прогрессистовъ), которая представляла собой

обновленную консервативную партію и стремилась насадить въ Сербіи европейскую культуру. Она была немногочисленна, но во главѣ ея стояло нѣсколько выдающихся по уму и образованію людей, получившихъ воспитаніе, по большей части, на западѣ (напр. Милутинъ Гарашанинъ, Чедомиль Міатовичъ и др.). Напредняки снискали себѣ полное довѣріе князя и захватили власть въ свои руки. Направленіе ихъ политики вскорѣ сдѣлалось явно австрофильскимъ. Сторонники Россіи подверглись гоненію. Русскій воспитанникъ, митрополитъ Михаилъ, былъ смѣщенъ съ должности и долженъ былъ влачить дни въ изгнаніи, въ Россіи. Самъ недоброй памяти Миланъ Обреновичъ, провозглашенный въ 1882 г. королемъ Миланомъ I, не малое число дней въ году проводилъ у своихъ друзей въ Вѣнѣ и Пештѣ, отличаясь заornoю для королеванаго лица жизнью. Новаго митрополита, Ѳеодосія Мраовича, онъ заставилъ развести себя съ королевой Наталіей (дочерью русскаго полковника Кешко); она принуждена была удалиться изъ Сербіи.

Австрійскій посланникъ графъ Кевенгюллеръ сталъ играть въ Бѣлградѣ такую же роль, какую игралъ нѣкогда въ столицѣ Сербіи (при Александрѣ Карагеоргиевичѣ) австрійскій консулъ Тея Радославлевичъ: безъ его совѣта не предпринималось ничего. Соотвѣтственно новому «культурному» курсу напредняковъ появилась надобность въ деньгахъ, которую не могли удовлетворить скромныя средства сербскаго бюджета. Тогда вѣнскій «Länder Bank» (земельный банкъ) открылъ «друзьямъ сербамъ» широкій кредитъ, подъ залогъ разныхъ доходныхъ статей. Милліонныя займы слѣдовали одинъ за другимъ и соотвѣтственно тому увеличивались налоги. Въ Бѣлградѣ появилось множество разныхъ нѣмецко-еврейскихъ предпринимателей; нѣмецкій языкъ слышался всюду; при дворѣ и въ обществѣ стала развиваться роскошь. Скромныя сербскія «господы» (госпожи) и «господицы» (дѣвухки-барышни) нарядились въ шелкъ и бархатъ... Но сербскій народъ неохотно шелъ за этимъ новымъ курсомъ своей интеллигенціи. Въ немъ мало-по-малу сталъ явственно сказываться духъ оппозиціи. Склонявшаяся къ Россіи радикальная партія была ему больше понутру. Начались возстанія, но они были подавлены суровыми мѣрами, причемъ главари были казнены. Въ сентябрѣ 1885 г. произошло объединеніе Восточной Румеліи съ княжествомъ Болгаріей. Подстрекаемый Австріей, которой были на-руку

вражда и соперничество между народами Балканскаго полуострова, король Миланъ, «для возстановленія нарушеннаго политическаго равновѣсія», объявилъ войну Болгаріи. Вначалѣ сербы имѣли успѣхъ, но когда болгарская армія, дождавшись прибытія румельскихъ войскъ, перешла въ наступленіе, то сербы подъ Пиротомъ были разбиты. Тогда на сцену явился австрійскій посланникъ, графъ Кевенгюллеръ, который отъ имени Европы предложилъ болгарамъ прекратить военныя дѣйствія подъ угрозою, въ случаѣ несогласія, встрѣтить въ Сербіи австрійскія войска. Болгарскія войска очистили Сербію. Эта неудачная война и послѣ нея борьба съ народнымъ движеніемъ, явно враждебнымъ королю, заставили Милана I отказаться отъ престола въ пользу своего малолѣтнаго сына Александра. Актъ отреченія былъ подписанъ 22-го февраля 1889 г. До совершеннолѣтія короля Сербія должна была управляться намѣстничествомъ, состоявшимъ изъ трехъ лицъ. 1-го апрѣля 1893 г. король Александръ, имѣя 17 лѣтъ отъ роду, провозгласивъ себя совершеннолѣтнимъ, принялъ бразды правленія королевствомъ. Въ юнѣ мѣсяцѣ 1903 г. онъ трагически погибъ, убитый военными заговорщиками вмѣстѣ со своей супругой Драгою ночью, во дворцѣ, въ своей спальнѣ.

15-го юня 1903 г. на сербскій престолъ вступилъ внукъ Кара-Георгія, Петръ Карагеоргіевичъ, подъ предводительствомъ наслѣдника котораго въ настоящую войну полки сербскіе, послѣ кровопролитныхъ боевъ съ турками подъ Кумановымъ и Прилѣпомъ, заняли Старую Сербію, а передовые отряды сербовъ достигли сянго Адриатическаго моря.

Н. Б. Швановъ.

